

Г. В. ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

НЕКОТОРЫЕ МАРИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ К ЭТИМОЛОГИИ КОМИ СЛОВ

Abstract. Etymological Correspondences between Some Mari and Komi Words
Etymologies of four Komi words (*čękiđ* 'dense, thick', *šigira*, *šigres* 'warped, concave', *pa'ak* 'vulva', *bara* 'again') considered in the context of Mari-Permian language contacts and involving data from other languages of the Volga-Kama area and the Pre-Urals region, are specified.

Keywords: Komi language, Mari language, language contacts, etymology.

Давно отмечено, что пермские и марийские языки объединяют многие общие черты. Большая часть рассматриваемых в этом плане явлений относится к области фонетики (лабиализация иллабиальных финно-угорских гласных, сужение гласных; спорадическая деназализация сочетаний *-mp-*, *-nt-*, *-nč-*, *-nč̣-*, *-nk-*; распространение в некоторых марийских говорах звуков *-z-*, *ž-* на месте *-ž-*, *-š-* других говоров и т. д. (Лыткин 1972 : 109—110, 112; Грузов 1965 : 137—138, 150—153, 165—166; ОФУЯ 1976 : 138—139; Казанцев 1985 : 53—54; 1989 : 28—29; Тепляшина 1971 и др.).

Отмечаются некоторые морфологические параллели, например, марийские *l*-овые падежи имеют много общего с пространственными *l*-овыми падежами пермских языков (Коведяева 1978 : 126, 139). Есть также общие черты в образовании генитива местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. в удмуртском и марийском языках (в отличие от коми), в образовании местоимения 3-го лица мн. ч. в коми и марийском (в отличие от удмуртского) (Федюнева 2008 : 60, 145—150) и др.

Обнаруживается также много общих для марийского и пермских языков лексем, которые отсутствуют в прибалтийско-финских и мордовских языках, ср. мар. *тылзы*, коми *тӧлысь*, удм. *толэзь* 'месяц'; мар. *пуш*, коми *пыж*, удм. *пыж* 'лодка'; мар. *пундаг*, коми *пыдӧс*, удм. *пыдэс* 'дно'; мар. *тур*, коми *дор*, удм. *дур* 'край' и др. (Казанцев 1985 : 52—53).

В ряде работ Г. Берецки приводит около 100 марийских слов, общих с пермскими, которые, по его мнению, не восходят к финно-угорскому или финно-пермскому периоду, а являются заимствованиями в марийский язык из пермских или наоборот (Берецки 1963; 1987; Bereczki 1977). И. С. Галкин придерживался противоположного мнения, считая их наследием финно-пермского периода (Галкин 2001). Боль-

шинство выявленных соответствий Г. Берецки объясняет вторичными контактами марийцев и пермян (Берецки 2005 : 8—9), против чего категорически выступал Ф. И. Гордеев, который считал объяснение коми-марийских схождений поздними контактами абсолютно невозможным (Гордеев 1994 : 138).

С. К. Белых, посвятивший статью исторической интерпретации марийско-пермских схождений в фонетике и лексике, пришел к выводу, что большая часть их объясняется пермским субстратом, появившимся в марийском языке, особенно в марийских говорах восточной диалектной зоны, в результате ассимиляции больших групп праудмуртов во второй половине I тыс. н. э. (Белых 2009). О пермском субстрате в марийском писал также Д. Е. Казанцев (1985 : 52—55). Б. А. Серебренников же допускал, что «марийцы, после длительного периода изоляции от пермских народов, в какой-то период времени вновь с ними территориально сблизилась. В результате этого территориально-сближения и взаимовлияния в марийском и пермских языках появились некоторые общие особенности вторичного образования, которые нельзя объяснить общностью происхождения этих языков» (Серебренников 1960 : 272).

Приведенные точки зрения, по-видимому, не являются взаимоисключающими; каждая имеет право на существование, особенно если учесть объективную сложность картины мультязыковых контактов в Волго-Камье и слабую изученность языкового материала. Прежде всего это касается лексических схождений, выявление, интерпретация, и тем более, стратификация которых в этих условиях представляется сверхсложной задачей. В литературе вопросы лексического взаимодействия в Волго-Камско-Уральском регионе рассматриваются в основном на материале тюркских (башкирского, татарского и чувашского) и финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков, лексика коми языков привлекается в незначительной степени. Однако выявление нового материала, в том числе коми диалектов, может так или иначе осветить, подтвердить или опровергнуть эти связи, или, во всяком случае, уточнить уже имеющиеся этимологии.

Приведу несколько примеров.

1. Коми *тишкыд* 'густой' этимологи связывают с мар. *чок, чока* 'густой (о волосах, траве), плотный', венг. *sok* 'много', хант. *шоҳ*, манс. *šaβ* 'много', на основе чего реконструируются допермская и финно-угорская праформы (КЭСК 290; MSzFE 553). Мар. *шuko, шук* 'много' связывают с коми *сук* 'густой, частый', которое сравнивают с фин. *sakea* 'густой', *sako* 'гуща', саам. *suokkad* то же (КЭСК 266). И. С. Галкин, напротив, мар. *шuko, шук* 'много' связывает с венг. *sok* 'много', хант. *шоҳ*, манс. *šaβ* и коми *тишкыд* 'густой', а слово *чока* 'густой (о волосах, траве), плотный' сравнивает с саам. *suǰǰes* 'густой' (Галкин 1987 : 254).

Если привлечь дополнительные данные диалектов и контактных языков, более перспективным выглядит сравнение коми *тишк-:* *тишкыд* 'густой, частый, кучный' (*-ыд* — частотный суффикс прилагательных), диал. нв. *тишк* 'густой (напр., лес)', нв. уд. *тишк* 'густо, часто, кучно' (ССКЗД 386) с мар. *чока* 'густой (о волосах, траве), плотный'. В удмуртском языке соответствие не обнаружено, зато в чувашском имеется слово *чӑк* 'торчком; тесно, битком' (ЧРС 527), которое может быть рассмотрено

в общем контексте с коми и марийскими словами. На эту мысль наводит не только семантическая близость ('густой', 'частый', 'торчащий' — о волосах, растениях, траве, лесе и т. д.), но и наличие коми диалектного слова вв. *тиӧгла* 'много, густо, скопом (взойти, подняться — о растениях)' (ВВД 201), которое имеет форму чувашского (? марийского) наречия на *-ла*, ср. чув. *пушӑ* 'пустой' — *пушӑлла* 'порожняком'; *самрӑк* 'молодой' — *самрӑкла* 'в молодом возрасте, молодым'. По нашему мнению, сравнение (под вопросом) узкодиалектного коми *тиӧгла* 'густо (взойти)' с венг. *süge, sügely* 'кустарник, заросли леса' (КЭСК 290) менее привлекательно для дальнейшей этимологизации.

Если принять эту версию, то предварительно, до выяснения более точного источника 1) коми *тиӧк* 'частый, кучный; густо, часто, кучно', мар. *чока* 'густой (о волосах, траве), плотный' и чув. *чӑк* 'торчком' следует отнести к разряду общей лексики Волго-Камья; 2) коми *сук* 'густой', фин. *sakea* 'густой', *sako* 'гуща', саам. *suğgeš* 'густой', венг. *sok* 'много', хант. *šox*, манс. *šaβ* и мар. *шuko, шук* 'много' — к общему финно-угорскому фонду.

2. Е. С. Гуляев коми *шыгыра, шыгрӧс* 'покоробившийся, желобообразный, вогнутый', а также *шыгыртны* 'покоробить' сравнивает с удм. *шыгырес* 'вогнутый с желобком', *шыгыри* 'лоток', *шыгыртыны* 'покоробить', реконструируя общеперм. **šugir-* 'покоробить' < **šunge-*. При этом в качестве параллели он приводит манс. *šunḡerta* 'сжеживаться, сокращаться' и под вопросом венг. *zsugorodni* 'морщиться' (КЭСК 325).

Эта этимология может быть уточнена, если привлечь материал коми диалектов и марийского языка. Так, мар. *шыгыр* 'тесный, тесно, теснота': *шыгыремаш* 'уплотняться, тесниться', *шыгыремдаш* 'уплотнять, притеснять' (МРС 437) хорошо связываются семантически с коми3 диал. вым. уд. *шыграсьны* 'обниматься'; *шыгыртны* 'обнять, заключить в объятия' (ССКЗД 440, 182—183). Ср. аналогичный семантический сдвиг в коми3 *топӧдлыны* 'обнять кого-л.' < *топӧдны* 'прижать, уплотнить, пригнать плотно', *топӧдлыны* 'сжимать, стискивать' (ССКЗД 371).

Можно предположить, что первоначальным значением пбф.-перм. (ф.-у.) **šunge-* было 'сделать плотно, притеснить, уплотнить', из которого в общеперм. **šugir-* развилось значение 'сокращаться, сжеживаться' (> нв. *шыграсьны* 'ежиться, напр., от стужи') > 'морщиться', 'коробить, коробиться'.

В прапермский период вплоть до отделения коми и удмуртов происходил процесс деназализации сочетаний с носовым согласным, под который попало и это слово. Имеются отдельные диалектные примеры, где это сочетание сохраняется: кз. нв. *жынгыр-т-чы-ны* 'сжежиться от холода', сс. *жынгыртчыны* 'скрутиться, свернуться' (СДКЯ 534), которые рассматриваются в КЭСК в общем контексте. Однако вряд ли их следует возводить к прапермскому периоду. Скорее это собственно коми имитативное образование (или позднее заимствование?).

Частично процесс деназализации проходил и в марийском языке, возможно, в контактной зоне с пермскими языками (Казанцев 1985 : 56), что также объясняет форму мар. *шыгыр* 'тесный, тесно, теснота'. Носовой звук сохранился в горномарийском примере: марГ *цӱнгӱр* 'дверной засов, щеколда', *цӱнгӱртӱш* 'закрыть, защелкнуть дверь', т. е. 'уплотнить, закрыть плотно'.

Остается вопрос, следует ли процесс комиЗ *шыгыр-а, шыгр-ӧс*, 'покоробившийся', удм. *шыгыр-ес* 'морщинистый' (-а, -ӧс/-ес — непродуктивные суффиксы прилагательных) и мар. *шыгыр* 'тесный' < пбф.-перм. (ф.-у.) **šünge-* рассматривать как ареальное явление прапермского и прамарийского периода или речь идет о более позднем заимствовании (направление ?) в условиях марийско-пермских языковых контактов?

3. И. С. Галкин мар. *пытъык, пычык* 'vulva' сравнивает с саам. *petsek* то же (Галкин 1987 : 254), однако больше оснований связать его с близкими по звучанию и значению пермскими словами: коми *патык*, комиП *патын*, удм. *патык* 'vulva' < общеперм. *paʔak (Ракин 1996 : 72). Дальнейшая этимология неясна.¹ Саамское соответствие может быть коми заимствованием.

4. В. И. Лыткин наречие комиЗ *бара* 'опять, снова' (диал. уд. *бӧра*), комиП *бӧра* и комиЯ *бӧра* возводит к общеперм. *bōra (< *bōrak 'назад') (КЭСК 37). Эта версия не имеет семантических препятствий, однако изменение гласного общеперм. **bēr-* 'зад' > *bör* 'зад' > *bōra 'назад' > *бара* 'снова' не совсем ясно. Переход корневого *ö* > *a* В. И. Лыткин объясняет ассимилятивным влиянием конечного гласного *a*. Однако вопросы остаются. Почему и с какой функциональной нагрузкой сохранился конечный гласный, «восходящий к финно-угорскому периоду, ср. фин. *perä*» (КЭСК 37)? Следует ли считать, что коми-пермяцкая и удорская формы сохранили более древний вокализм или же они появились под влиянием общеупотребительного слова *бӧр* 'зад', *бӧрӧ* 'назад', *бӧрӧн* 'задом' и т. д. позже?²

Не совсем ясной остается общепермская реконструкция при отсутствии удмуртского соответствия. Наиболее близко удм. *берат* 'потом, после, позднее' (УРС 43), однако оно возникло на собственно удмуртской почве из послелого *берад*, коми *бӧрад* 'за тобой, позади тебя' < общеперм. **bēr-* 'зад'. К общепермскому источнику следует, видимо, возвести также коми *бӧрти* 'потом', диал. вым. иж. лет. сс. уд. *бӧрти* то же (ССКЗД 26); комиП *бӧрти* 'после, через, спустя' (КПРС 42); комиЯ *бӧрти* 'после, через некоторое время' (КЯД 89) и удм. *бертӱ* 'по, за' (УРС 45), представляющие собой форму транзитива *berti 'сзади, по задней части, за задней частью' < общеперм. **bēr-* 'зад'.

В ряду этих соответствий комиЗ *бара* 'опять, снова' выглядит несколько изолированно, что позволяет рассмотреть его в одном контексте с мар. *вара* 'потом, после, затем'. Происхождение последнего не ясно. Некоторые исследователи относят его к чувашским заимствованиям, ср. чув. *вара* 'потом, после', сопоставляя с тат. *ары* 'после'³ (< араб. *varaa* 'позади, после') (см. Федотов 1990 : 176; Галкин 1994 : 43). Категорически против этой гипотезы Ф. И. Гордеев, который считает это

¹ Не связано ли это слово с балто-славянским миром? Ср. литов. *patėle* 'самка', *pātinās* 'самец', *pati* 'супруга, жена' (LRKŽ 541, 542); ср. ? рус. диал. *петик* 'половой орган мальчика' (СРНГ 26 : 328).

² Такое развитие можно наблюдать в современных коми диалектах, ср. комиП *бӧр* 'зад' > *бӧр*, *бӧра* 'снова, опять, еще': *сія бӧр муніс сӧчин* 'он снова (букв. обратно) пошел туда' (КПРС 40); комиЗ уд. *бӧра*, *бӧрла*, *бӧрлань*, *бӧррлань* 'опять, снова' (ССКЗД 18) < *бӧр*, *бӧрлань* 'назад, обратно'.

³ Ср. также тат. *бара-бара* 'немного погодя, с течением времени, со временем' (ТРС 57).

слово марийским заимствованием в чувашском, предполагая финно-угорское происхождение. Он также не связывает мар. *вара* с коми *бӱрас*, удм. *бӱрысь* 'потом, после' < общеперм. *бӱр/*бер 'зад' (Гордеев 1983 : 42). В другой работе Ф. И. Гордеев относит мар. *вара* 'потом, впоследствии' к поздним сарматизмам, сопоставляя с осетинским *fa-ron* 'прошлый год' < др.-иран. *para то же (Гордеев 1985 : 100).

На близость коми и марийского слов указывает дальнейший переход этих слов в частицы, ср. коми *бара* 'опять, снова' > *бара* 'уж, же, небось'; мар. *вара* 'потом, после, затем' > *вара*, диал. *бара* 'же, ну, ли'. И. С. Галкин, сравнивая марийскую частицу с саам. *бара* 'же, разве, ли', считает ее финно-угорской по происхождению (1994 : 43), однако последняя семантически ближе к коми и скорее всего является коми заимствованием, ср. мар. *молан вара тудо тидым ойла*, саам. *мӕнн бара сӧнн тенн сӕррн*, коми *мыйла бара сійӧ тайӧс сёрнитӧ* 'зачем он это говорит?'. Финно-угорское происхождение частицы также остается не доказанным.⁴ Таким образом, этимологическая история коми-зырянского наречия и частицы *бара* остается не ясной, поэтому связь их с марийскими и чувашскими соответствиями пока нельзя исключить.

Рассмотренные примеры лишней раз показывают необходимость совершенствования этимологических исследований в области общей лексики, которая обнаруживается в финно-угорских языках пермской и волжской групп, чувашском, татарском и отчасти башкирском языках. В значительной степени эта лексика является результатом взаимно- и опосредованного влияния языков и связана с разными в хронологическом отношении контактами, сепаратными связями и миграционными передвижениями населения региона. Без учета этого фактора нельзя говорить о надежных праязыковых реконструкциях как в финно-пермских, так и тюркских языках Волго-Камья и Приуралья.

Address

Galina Fedyuneva
Komi Science Centre, Institute of Language, Literature and History
E-mail: fedyuneva@mail.illhkomisc.ru

Сокращения

ВВД — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966 (Историко-филологический сборник. Труды Института ЯЛИ АН СССР. Коми филиал. Вып. 10); **КПРС** — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; **КЯД** — В. И. Лыткин, Коми-язвинский диалект, Москва 1961; **МРС** — Марийско-русский словарь, Йошкар-Ола 1991; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки), Москва 1976; **СДКЯ** — Словарь диалектов коми языка. Т. 1, Сыктывкар 2012; **СРНГ** — Словарь русских народных говоров. Т. 26, С.-Петербург 1991; **ТРС** — Татарско-русский словарь, Москва 1966; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **ЧРС** — Чувашско-русский словарь, Москва 1961; **LRKŽ** — A. Liberis, Lietuvių-rusų kalbų žodynas, Vilnius 1988.

⁴ Близкая частица *бары* 'только, всего, лишь, тоже', имеющая тюркское происхождение, зафиксирована в буйско-таньпских говорах удмуртского языка (Тараканов 1993 : 41).

Диалекты коми-зырянского языка: **вв.** — верхневычегодский, **вс.** — верхне-сысольский, **вым.** — вымский, **иж.** — ижемский, **лет.** — летский говор лузско-летского диалекта, **нв.** — нижневычегодский, **сс.** — среднесысольский, **уд.** — удорский.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Б е л ы х С. К. 2009, Пермско-марийские ареальные языковые связи: опыт исторической интерпретации. — Иднакар, № 3 (7), Ижевск, 5—24.
- Б е р е ц к и Г. 1963, Взаимоотношения марийской лексики с лексикой мордовских и пермских языков. — CIFU I, 202—203.
- — 1987, Пермско-марийские лексические связи. — Сущность, развитие и функции языка, Москва, 112—115.
- — 2005, Взаимосвязи языков Волжско-Камского ареала. — Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Yoshkar-Ola 15. 08. — 21. 08. 2005. Pars I. Orationes plenariae, Yoshkar-Ola, 5—53.
- Г а л к и н И. С. 1987, Несколько слов о марийско-саамских лексических параллелях. — СФУ XXIII, 252—255.
- — 1994, Некоторые саамско-марийские грамматические параллели. — Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa 1.—2. 9. 1993, Turku (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 45), 39—45.
- — 2001, О марийско-пермских лексических параллелях. — Вопросы марийской ономастики. Вып. 9, Йошкар-Ола, 3—17.
- Г о р д е в Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка. Т. 2, Йошкар-Ола.
- — 1994, Основные проблемы волжско-финских языков. — Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa 1.—2. 9. 1993, Turku (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 45), 132—139.
- Г р у з о в Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
- К а з а н ц е в Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев), Йошкар-Ола.
- — 1989, Историческая диалектология марийского языка (образование диалектов и сравнительно-историческое описание их фонетики). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту.
- К о в е д я е в а Е. И. 1978, Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва, 49—154.
- Л ы т к и н В. И. 1972, Лабиализация гласных в пермских и марийском языках. — СФУ VIII, 101—113.
- Р а к и н А. Н. 1996, Антропотоминимическая лексика в пермских языках, Сыктывкар.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1960, Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и поволжских групп, Москва.
- Т а р а к а н о в И. В. 1993, Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь), Ижевск.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1971, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья. — СФУ VIII, 5—12.
- Ф е д о т о в М. Р. 1990, Чувашско-марийские языковые взаимосвязи, Саранск.
- Ф е д ю н е в а Г. В. 2008, Первичные местоимения в пермских языках, Екатеринбург.
- В е р е с з k i G. 1977, Permi-cseremisiz lexikális kölcsönzések. — Nyk 79, 57—77.